

Публикации аспирантов

УДК 81'367.322

Байдикова Е.Л.

Московский гуманитарный педагогический институт

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ АГРЕССИВНОЙ ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

E. Baydikova

Moscow Humanitarian Pedagogical University

PRAGMATIC CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE AGGRESSIVE FUNCTION IN INTERROGATIVE SENTENCES

Аннотация. Статья посвящена показательному для современной разговорной молодежной речи явлению речевой агрессии, активным средством выражения которой, как показал анализ, является использование вопросительных предложений (ВП). Прагматические условия, в которых проявляется агрессивная функция вопросов, разнообразны. Агрессивные вопросы часто содержат интенцию к побуждению, используются с целью намеренного захвата вербальной инициативы, лидирующих позиций, направлены на подавление личности собеседника и демонстрацию собственной значимости и превосходства. Подобные проявления речевой агрессии вызваны общими установкам современной молодежи на самоутверждение, лидерство и доминирование.

Ключевые слова: разговорная речь, диалог, речевая агрессия, молодежная речь, вопросительное предложение.

Abstract. Aggression in speech, typical of contemporary youth spoken language, is considered within the framework of the modern analysis revealing that interrogative sentences are an active means of aggressive expression. Pragmatic conditions under which aggressive function of interrogative sentences is actualized are various. Aggressive interrogation, targeted at suppressing the interlocutor's personality and demonstrating the speaker's significance and superiority, often suggests encouragement and is employed with the view to deliberately seizing the verbal initiative and leading positions. The given manifestations of aggression in speech are caused by general aims of contemporary youth at self-actualization, leadership and dominance.

Key words: spoken language, dialogue, aggression in speech, youth language, interrogative sentence.

Феномен речевой агрессии или, в других терминах, вербальной инвективы, словесного экстремизма, агрессии, языка вражды, насилия лингвисты считают показательным явлением для русской речи последних десятилетий и объясняют его различными причинами – от последствий свободы слова до роста женской эмансипации и возникновения политической оппозиции.

Речевую агрессию определяют как все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств [1]. Речевая агрессия проявляется чаще всего в таких чертах, как «жесткость в оценке поведения собеседника, крайняя негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, возбуждённый, нередко враждебный тон речи и т. п.» [5, с. 65].

Если иметь в виду реализующиеся в лингвистике на современном этапе в качестве приоритетных когнитивное, коммуникативное и культурологическое направления в изучении языка, то исследование данного явления закономерно отвечает актуальному в современной лингвистике коммуникативно-прагматическому подходу, ставящему в центр внимания личность во всех деталях её языковой исключительности, обращаясь к анализу языковых единиц в проекции на их коммуникативный потенциал. На рубеже XX и XXI в.в. определилась социальная «потребность не в «очищенных» от конкретных речевых ситуаций формулах и инструкциях, а в информации, учитывающей в максимальной степени феномен жизни человека [4, с. 7].

В лингвистической литературе, посвящённой изучению явления речевой агрессии, акценты делаются преимущественно на изучении лексических средств, стилистических способов выражения этого явления, а также на некоторых прагматических особенностях отдельных частей речи, реализующих агрессивную функцию (А.С. Ларионова, М.А. Солодова, И.А. Мартынова и др.). В существующей литературе имеются лишь отдельные замечания о синтаксических конструкциях в этом аспекте (В.Ю. Апресян, И. Б. Шатуновский, Т.А. Воронцова). Между тем прагматический потенциал ВП в целом и в плане реализации агрессивной функции в частности, по нашим наблюдениям, более представительен, а поведение ВП, их роль в изучаемом явлении нуждаются в изучении.

В качестве фактического материала нашего исследования были выбраны ВП,

функционирующие в бытовой речи современной молодёжи. Актуальность исследования именно этого материала подтверждается мнением исследователей, считающих, что процессы речевой агрессии в первую очередь коснулись обыденного бытового общения. Очевидно и признание уникальности этой социальной группы как передовой, оперативно реагирующей на языковые изменения и активно влияющей на языковые процессы части общества. Речь молодёжи – достоверный и яркий показатель современного состояния общества и его языка [8].

Лингвисты проявляют активный интерес к проблеме молодёжной речи в разных её аспектах: история изучения молодёжного сленга, региональная специфика молодёжного социолекта, частотные словообразовательные модели в речи молодёжи, лексико-семантические и лексико-фразеологические особенности молодёжного сленга и др. Однако синтаксический строй молодёжной речи, и в частности функционирование отдельных синтаксических конструкций, до сих пор остаются за рамками исследований. Между тем именно синтаксис вызывает глобальный интерес с точки зрения влияния на него внешних, неязыковых факторов, поскольку считается более устойчивым, чем лексический или, скажем, морфологический строй, которые в большей степени изучены в этом аспекте.

Известно, что речь как действие, со всём диапазоном возможных для неё коммуникативно-прагматических целей и функций, максимально реализуется в диалоге. Разговорный диалог помогает глубже понять и проанализировать специфику употребления языка современным человеком, позволяет судить об особенностях речевого поведения и личностных характеристиках участников общения, создавая, таким образом, панораму современных языковых явлений в их непосредственном функционировании, интегрируя речь отдельных коммуникантов в общую языковую картину эпохи. Основной механизм, определяющий существование

диалогической системы, выражается в активном взаимодействии главных её элементов: иницирующей реплики и реплики-реакции [9]. Вопросительные предложения являются двигателем разговорного диалога, они практически всегда побуждают к ответной реакции. Следовательно, теоретически они могут оказывать влияние на характер этой реакции. Поэтому их можно использовать в определённых прагматических целях.

Анализ нашего материала показывает, что если понимать агрессию как стремление «разрушить преграду» на пути к достижению цели, а не преодолеть её, как стремление контролировать ситуацию, её участников, то можно выделить некие прагматические цели, характерные для данного явления, достижению которых помогает использование именно ВП.

Следует отметить, что в структуре собственно вопросительного значения отсутствуют какие-либо эмоциональные составляющие, в том числе и агрессивные. Первичную и основную функцию вопросов традиционно связывают с запросом информации. Все экспрессивно окрашенные вопросительные высказывания, преимущественно ориентированные не на получение ответа, а на сообщение разного рода эмоциональных реакций, являются косвенными вопросами, выступают в своих вторичных функциях. [6]. Таким образом, так называемые, «агрессивные вопросы» [1] тоже относятся к группе косвенных вопросов. Их появление в диалоге – это всегда неожиданный, нестандартный ход, вызывающий определённую реакцию собеседника. Необходимость их употребления, цели, с которыми они используются, определяются коммуникантами на прагматическом уровне. Спектр этих целей может быть различным. Обратимся к анализу прагматических предпосылок появления агрессивных вопросов в качестве иницирующей реплики диалога, а также к их специфике в роли реплики-реакции.

Ориентация на западные ценности, характерная для современной молодёжи, обу-

словливает и определённую прагматическую установку общения на подчёркивание своего статуса, независимости и самостоятельности, тактику наступательности, «сокрушения» партнёра, навязывания своей позиции.

Анализ собранного материала показал, что в позиции реплики-стимула распространены и чрезвычайно эффективны вопросительные высказывания, имеющие интенцию побуждения, которые приобретают агрессивную функцию:

Ты вообще думаешь сегодня спать? (=ложись спать);

Ну ты что молчишь? Мы тебя просто так взяли? (=не молчи);

Сколько можно собираться? (= собирайся быстрее).

Известно, что «при выражении некоторых оттенков побуждения именно вопросительные структуры выражают более резкое и решительное побуждение – например, при запрещении действия, угрозе. Побудительные предложения в этом ряду являются нейтральным членом, вопросительные же конструкции экспрессивно и эмоционально окрашены» [2, с. 22-23]. Несоответствие вопросительной формы и побудительной семантики реплики выводит её из числа эмоционально нейтральных членов диалога, возникающая в результате несоответствия формы и содержания экспрессивность заставляет адресата обращать на себя внимание, делает воздействие на него более сильным, жёстким, безапелляционным, агрессивным.

Среди эмоциональных оттенков вопросительно-побудительных агрессивных высказываний в анализируемом материале преобладают оттенки запрещенного действия:

Хочешь сказать/ что ты все-таки собираешься заявление написать? (=не пиши);

Да / чего ты меня всё время обнимаешь? (=не обнимай меня);

Ну/ чего ты выдумываешь бесконечно? Тебе не надоедает самой? (=не выдумывай).

Не так частотны вопросы, содержащие в себе угрозу. В сравнении с аналогичными

примерами, запрещающими действие, вопросы-угрозы ещё более агрессивны. Используя их, участник диалога максимально решительно и настойчиво заявляет о своих целях:

Я же сказала/ что тут занято. Позвать администратора?;

Значит, вот как дело повернулось? Мне уйти?;

- Ты вторую неделю статью эту исправляешь! Очень долго! - Прекрати меня гнобить! Про твоё резюме вспомнить?

Любопытно, что вопросительная форма в таких случаях является неким сдерживающим средством, предупреждающим открытый конфликт, поскольку сохраняется видимость попытки «договориться», апеллируя к оппоненту.

В литературе между тем неоднократно отмечалось использование вопросительно-побудительных высказываний при реализации в речи категории вежливости. Такие конструкции есть и в нашем материале:

Не могли бы вы передать за проезд? (=передайте за проезд);

Не подскажете/ как до остановки добраться? (=подскажите, как до остановки добраться);

Можешь подождать в метро/ не знаю дорогу? (=подожди в метро).

Однако количественная разница в проанализированном материале между вопросами, реализующими категорию вежливости, и агрессивными вопросами, в пользу последних, говорит об изменении установок говорящих: вместо нацеленности на вежливость, что было похвальным, престижным, в речи современной молодёжи приветствуется напор, доминирование, лидерство любой ценой.

Инициатор диалога в качестве ответа вовсе не требует от партнера конкретной информации, часто речевая реакция может и вовсе не последовать. Вопросительные предложения подобного содержания – призыв к реакциям неречевого характера, к определённым действиям. Эти призывы могут носить разный характер: разрешающий, стимулирующий:

- Приятного аппетита мне не хочешь пожелать? (=пожелай мне приятного аппетита) - Не хочу!;

Откуда я знаю / что там у вас. Что / так трудно позвонить подруге? (=позвони подруге) – или, напротив, запрещающий:

Так привыкай к нормальным методам! Сколько ты можешь на меня орать? Почему ты всегда на меня кричишь? (=не кричи на меня);

Ты выбирай / что она хочет / а не ты. Сама подумай / зачем ей эта дребедень? (=не выбирай ей эту дребедень).

Причём запреты и стимулы в анализируемом материале встречаются с приблизительно равной степенью частоты. Следует подчеркнуть, что во всех подобных случаях имеет место именно безапелляционный характер высказывания, некий диктат:

Сколько я просила/ этой тряпкой стол не вытирать? (=не вытирай!); И ты поверил в эти сказки? (= не верь!); Ты когда планируешь убираться у себя в комнате? (= уберись в комнате!).

Агрессивность иницирующей реплики ВП связана не только с побуждением как средством утвердить своё доминирование, принудив партнёра к выполнению своей воли. Адресат может использовать вопрос, чтобы выиграть время на обдумывание своего следующего речевого шага, если хочет поставить собеседника в тупик, тем самым преследуя цель перехватить инициативу, занять лидирующее положение. Подобный тип вопросов, так называемые, «школьные вопросы» [3], достаточно широко распространён в публичном дискурсе, однако и в бытовой речи молодёжи, как показывает наш материал, они тоже возможны. «Школьные вопросы» требуют от адресата интеллектуального напряжения, сосредоточенности и резкой смены направления его мыслей. При своей явной простоте и очевидности ответа их «вбрасывают» в диалог вне видимой связи с текущими репликами и потому ставят адресата в тупик, заставляют мгновенно переключаться на другую тему [3, с. 138].

- Я вчера до четырех утра «Грозовой перевал» смотрела! - Ну ты даешь! Вот ты и сонная весь день! - Эмилия Бронте/ говорит тебе о чём-нибудь? Ну, или хотя бы про Шарлоту Бронте слышал? «Джейн Эйр»?

Агрессивная функция школьных вопросов связана с тем, что с их помощью говорящий ставит собеседника в подчинительное положение, создаёт для себя коммуникативное преимущество, своеобразный «бонус», задел в последующих репликах, демонстрируя интеллектуальное и психологическое превосходство.

Диалоги с агрессивными вопросительными высказываниями в качестве иницилирующей реплики, по нашим наблюдениям, приводят к коммуникативному дисбалансу, нарушают правила рационального общения. Более того, часто адресат, не желая соглашаться с психологическим доминированием говорящего, использует ответную агрессию. Этот факт, на наш взгляд, только подчёркивает распространённость явления речевой агрессии в молодёжном общении.

В нашем материале агрессивные реплики-реакции в структуре диалога, гораздо более частотны, чем реплики иницилирующие. Кроме прочего, объясним этот факт тем, что роли адресата и адресанта в диалоге не тождественны. Именно адресату принадлежит возможность, подобрав ответную реплику, выступить связующим звеном в общении, задать ему конструктивный тон в русле взаимопонимания и равноправия или, перехватив инициативу агрессивным высказыванием, попытаться самому стать коммуникативным лидером [9]. Последнее явление в современной речи очень распространено, т. к. партнёры в духе времени настроены не на компромисс и взаимодействие, не на партнёрство как таковое, а именно на захват лидирующих позиций.

Нарушение речевого паритета может проявляться по-разному. Во-первых, это может выглядеть как пренебрежительное отношение к содержательной стороне высказываний речевого партнёра.

- Это бутылка для питьевой воды// В неё неудобно наливать/ надо воронку купить// - Может/ еще сорочницу?

- Ну/ а где гости? - Какие гости? - Надо было хоть Танечку позвать. - Так ночь уже/ куда звать?

В наблюдаемой нами среде такие случаи весьма распространены, потому что, выражая пренебрежительное отношение к высказыванию речевого оппонента, коммуникант попутно проявляет своё критичное отношение к личности этого оппонента. Говорящий в подобных случаях стремится проявить своё интеллектуальное и психологическое превосходство, подавляя, уничтожая собеседника.

- Я потерял ладью/ она считается более ценной фигурой/ чем конь.//

- Кем считается? Любителями ладей? Любителями коней?

Агрессивные вопросы часто используются с целью намеренного захвата вербальной инициативы [2].

- Я не знаю, чего мне Алексей не звонит. А то бы я раньше пришла.

- А! То есть теперь Алексей во всем виноват?

Благодаря направленности на получение информации, ВП выступают как первый компонент сочетания реплик, предназначенного для обмена информацией в диалоге» [7]. Отвечая вопросительным высказыванием на реплику собеседника, говорящий по сути начинает разговор заново, задавая новые параметры диалога, выступая в нём в качестве коммуникативного лидера. Происходит смена коммуникативных ролей.

По такому же механизму реализуется речевое агрессивное поведение в тех случаях, когда адресат использует встречные вопросы. Реплики, выполняющие функцию встречных вопросов, особенно ярко и часто иллюстрируют принципы намеренного захвата вербальной инициативы.

- Посмотри / у тебя / по-моему / пуговицы натянулись / нет?

- Тань / у меня уже знаешь / чего натянулись? Долго ещё?

Отвечая вопросом на вопрос, адресат захватывает психологическое лидерство, т. к. меняется коммуникативной ролью инициатора с адресантом, при этом встречный вопрос имеет ярко выраженный агрессивный характер.

Адресат, перехватывая коммуникативное лидерство, переводит агрессивные эмоции, полученные от адресанта обратно, на него самого, уводит угрозу от себя, выдвигая новый объект агрессии:

- Ну и во сколько ты проснулась?

- А ты во сколько вчера лёг? А я / знаешь/ во сколько?

Возникновение агрессивного вопроса со стороны адресата, возможно также, когда вопрос-стимул можно считать неуместным. Обычно за ним следует контр-вопрос, содержащий негодование, возмущение адресата:

- Пойдем завтра на лыжах?

- Ты в своем уме? Минус 27! Какие лыжи?

Вопросительная форма в подобных конструкциях усиливает эмоциональную нагрузку ответного высказывания, выступая в данных прагматических условиях максимально неожиданной для адресанта.

- Кто тебе телефон подарил? Сашка? – С чего вдруг?

- Что-то меня тошнит постоянно... – А ты случайно не беременна? – От кого? От папы Римского?

Встречная вопросительная реплика часто употребляется в качестве реакции на вопрос, ответ на который очевиден. Встречным вопросом адресант подчёркивает бессмысленность и нелепость вопроса-стимула в конкретных прагматических условиях. В составе диалогического единства такие встречные вопросы также всегда негативно окрашены: содержат эмоциональные оттенки раздражённости и возмущения.

(А. заходит в комнату и видит бодрствующего Б.)

- Лен, ты не спишь?

- А как ты думаешь?

Признание неуместности вопроса или очевидности ответа в ходе диалога также

направлено на подавление личности собеседника. Это его косвенный упрек в недостаточной интеллектуальности, несообразительности и т. п.

В неформальном молодёжном общении агрессивные высказывания могут использоваться также в качестве шутки, насмешки, иронии:

- Я в уголке сижу/ ты будешь кушать?

- Ну/конечно/ что ж я еду тебя посмотреть?

Их цель – вызвать эмоциональную реакцию собеседника, обратить на себя внимание, лишней раз продемонстрировать значимость и превосходство. А агрессия – это один из простейших способов выделить свою реплику в эмоционально нейтральном или тем более в позитивном в плане эмоций диалоге.

Беседа нескольких девушек (смеются).

- Так/ не испачкайте моё платье. Мне ещё замуж в нём выходить!

- А вы думаете/ её кто-то зовёт?

- Ну/ вот в грязном точно никто не позвёт!

Подобные употребления «агрессивных вопросов» лишь подчёркивают их массовость и повсеместность в современной молодёжной речи.

Подводя итог, отметим, что у молодёжи в рамках разговорного бытового дискурса очень часто представлена речевая агрессия, активным средством выражения которой является использование ВП. Общие установки современной молодёжи на успешность, яркое проявление индивидуальности, лидерство и доминирование, часто за счёт других, приводят к явлению агрессии в речи, причём на разных уровнях общения. И действенным средством для реализации такого способа общения оказалось употребление ВП, которые, как показал наш анализ, в молодёжной речи могут использоваться с разнообразными прагматическими целями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке. [Электронный ресурс] // Конференция «Диа-

- лог» [сайт]. [2011] URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Аpresian.htm> (дата обращения: 17.07.2011)
2. Бердник Л.Ф. Коммуникативные типы русских предложений. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1982. – 78 с.
 3. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
 4. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
 5. Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63-91.
 6. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1-2. – С. 28-49.
 7. Русская грамматика. Т. 2. [Электронный ресурс] // «Русская грамматика» [сайт]. [2011] URL: <http://rusgram.narod.ru/2591-2640.html> (дата обращения: 10.07.2011)
 8. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (Предисловие). // «Philology.ru» [Русский филологический портал] [2010] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> (дата обращения: 03.07.2011).
 9. Цирельсон Н.Ю. Взаимодействие инициирующих реплик и реплик-редакций в диалоге: на материале современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 195с.
 10. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. – М., 2004. – С. 19 – 37.
 11. Ширяев Е.Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 132-147.